

«Ну, вот и все, Фроловна, пойду я!» — с этими словами Сергей поднялся со скамейки, дотронулся кончиками пальцев до плоского черного памятника, и, не оборачиваясь, пошел по прямой кладбищенской «улице». На выходе с нее завернул к маленькому домику, из которого навстречу ему вышел сгорбленный старик и поздоровался:

— Здравия желаю!

— И вам не хворать,— с улыбкой, еле тронувшей губы, ответил Сергей.

— Навестили покойницу свою? — спросил сторож и сам же ответил.— И хорошо, что навестили. К ней окромя вас никто не заходит. Вот, поди ж ты, как бывает: живет человек среди людей, а как помирает, так остается наедине с собой и такими же упокоенными, как и он. А ведь это неправильно. Память же должна оставаться, чтобы людей на кладбища приводить.

— Я вам деньги оставлю. Вы их Валентине Ивановне передайте, пожалуйста,— Сергей перебил размышления сторожа.— Тут как всегда. И поблагодарите ее от моего имени.

— Передам, поблагодарю,— кивнул старик.— А вам покойница кем приходилась-то?

— Так...— Сергей пожал плечами,— по определению — чужой человек. Это длинная история.

— А я и не спешу. Да и тебе торопиться некуда. Смекаю, что ты не на колесах нынче, а автобус прибудет только через пару часов. Так что есть время языком почесать. Пойдем в сторожку, я чайку согрею. Погода нынче сопливая, дождь с утра брызгает.

Сторож направился к домику. Сергей, не задумываясь, пошел за ним: «Его правда, зябка сегодня на улице, да и автобус будет не скоро!». Сторожка была маленькая, но по-домашнему уютная. Дед проворно поставил на электрическую плитку чайник и проговорил:

— Меня Николай Анисимыч зовут, но ежели тебе удобнее будет, так ты меня можешь просто дядей Колей называть. Я в обидках не буду. Тебя-то как величать?

— Сергей.

— Ты уж прости мне, Серженька, любопытство мое. Вышло так, что я тут стою давно работаю. Кладбище мне подведомственное — небольшое, сам видишь. Вот и получается, что с каждым «местным жителем» я как бы знаком лично, — Анисимыч улыбнулся в усы, — а вот про твою Анну Фроловну ничегошеньки не слыхал. Только тебя лицезрю каждый год в одно и то же время, да еще Валюша моя на могилке ее прибирается. И непонятно мне — кто она, откуда, каким ветром занесло ее в наши края? Она же ведь не из местных?

— Нет, не из местных, — покачал головой Сергей, — она из той деревни, что за озером. Зачем сюда попала? Я расскажу сейчас тебе, Анисимыч, по порядку. Ты сам все поймешь и рассудишь.

* * *

От нас с матерью отец ушел, когда мне пятнадцать было. Проснулись мы утром после встречи Нового года, а его нет. И вещей его нет. Отец у меня детдомовский был, так что мы его даже искать не знали где. Да мать особо и не рвалась на поиски. Видимо было ей известно что-то, чего от меня в секрете держали. Вот только переживала она очень, плакала ночами.

Летом того же года мы с ней в деревню, в ту, что за озерком, поехали. Там у нас дом от бабки остался. Как только у меня каникулы начались, мать отпуск на работе взяла. Мне в деревню ехать совсем не хотелось, у меня все друзья в городе были, но матери тогда я перечить не стал.

Не успели вещи разобрать, как за мной местные мальчишки пришли, купаться позвали. Я согласился. Там, на озере, стал меня Мякиш — Колька Мякишев — «на слабо» брать. Это у них так новеньких в компанию «прописывали». Только и слышали от него — «а слабо?». Мне, понятно, слабаком показаться в их глазах вовсе не хотелось, да еще и понимал я, что мне со здешней публикой целое лето коротать. Повелся на их «конкурсы». Вот тогда и предложил заводила местный Молоток пойти бабке Нюте напакостить:

— Измажем ей забор дегтем, — изрек он со знанием дела. — Заодно ты, Серый (это они меня так сходу окрестили), себя покажешь.

— Нет, — я хотел отказаться, — день белый на дворе. Нас сразу засекут.

— Трусишь? — сплюнул Мякиш. — Да ты не дрейфь! Бабка Нюта на самом отшибе живет. Возле нее только дача столичных, вроде вас. Так что никто нас не увидит. А подстилке немецкой кровушку попортим.

— Почему ты ее так называешь? — поинтересовался я.

— Она в войну фашистам продалась. Ее даже с концлагеря выпустили за сотрудничество. Не веришь? Попробуй с ней поговори. Знаешь, как она по-ихнему шпарит! Противно! — Мякиш снова сплюнул в траву.

Что мне оставалось делать? Пошли всей честной компанией к околице. По дороге завернули в заброшенные мастерские, взяли там банку с дегтем. Остановились в кустах, напротив дома бабки Нюты. Юрец взял на себя роль разведчика, он по-деловому поглядел в бинокль, болтавшийся на голой шее, и произнес:

— Никого.

— Ступай, — Мякиш сунул мне в руки деготь и самодельный валик, — мажь возле калитки, и посмачнее.

Пригнувшись, на полусогнутых ногах я пересек тропинку и оказался рядом с калиткой. Трепеща от страха, стал густо мазать зеленый облупленный забор тягучим дегтем. И не заметил, как рядом со мной выросла дородная бабка и схватила меня за руку.

— Зря стараешься, — громко проговорила она. Я глядел на нее не моргая, не в силах даже пошевелиться. Она же, воспользовавшись моим молчанием, продолжи-

ла: — Я тут намеренно голубую краску с райцентра привезла. В сенцах она у меня стоит. Давно забор покрасить хотела. У самой-то руки не доходят, а раз ты помочь хочешь...

Она ослабила свою мертвую хватку, и я уже хотел было дать стрекача. Но вдруг мой взгляд переместился на террасу соседнего дома. Там в яблоневой тени с книгой сидела девчонка. Она делала вид, что читала, а сама искоса поглядывала в нашу сторону.

— Голубой, так голубой... — пробормотал я.

Бабка перехватила мой взгляд, усмехнулась так, что еле заметная улыбка чуть тронула ее морщины под глазами и кивнула в знак согласия:

— Ну-ну... Пойдем в сенцы за краской и кистями.

Ух, и старался я в тот день. Красил забор медленно, равномерно нанося краску на высокий штакетник. Время от времени поглядывал на соседскую девчонку. Она хотела казаться совершенно равнодушной, но тоже с долей периодичности поглядывала в мою сторону. Потом, когда ей видимо надоело это унылое сидение на террасе, она поднялась, громко захлопнула книгу и скрылась за легкой тюлевой занавеской.

В это время до меня долетел голос бабки Нюты:

— Ох, ладно как у тебя получается! Уважил старушку. Но сегодня пора заканчивать. Краску я заберу, а ты кисточку в сенцы носи. Там бутылка с керосином стоит, рядом с ней банка пустая. Надо керосин в эту банку плеснуть и кисть в нем замочить, чтобы не засохла.

Я, отдуваясь, молча направился к ее дому. Сделал все, как она сказала. Остановился, ища глазами, где можно помыть руки. Так и не увидев нигде воды, хотел уже уйти, но передо мной снова внезапно выросла баба Нюта. Я даже вздрогнул от неожиданности ее появления. Она все поняла и рассмеялась:

— Прости, что пугаю. Полы в том году колхозный плотник хорошие сделал, не скрипучие. И тапчонки, — она выпатила чуть вперед ногу в пушистом меховом тапке, — мягонькие в райцентре на распродаже прикупила. Вот и двигаюсь теперь бесшумно, как кошка. Тише разве только привидения перемещаются. Я вот маслица принесла и тряпицу чистую. Прежде чем руки помыть, их надо от краски очистить. Ты на пятна масло мажь пожирнее, а потом тряпицей снимай. Вмиг чистый будешь.

Не обманула. Через пару минут ни пятна краски на мне не было.

— Ну, я пойду, пожалуй, — как-то неуверенно проговорил я.

— Э, нет! — не согласилась она. — Я уже все к чаю собрала. Долг платежом красен. Так что не отказывайся.

В доме посередине стола стоял медный самовар. Рядом с ним две чашки на резных ножках. Меня очень поразила вся эта кухонная утварь. Живя в городе, я ни разу не видел воочию самовара, разве что на картинках.

— А самовар что, самый настоящий? — я не сдержал любопытства.

— А как же? Конечно, настоящий, — заулыбалась она. — Мне его прямо из Тулы привезли.

— И как он работает?

— Он? А он сам не работает. На него природа и люди работают. Я как задумала тебя чайком угостить, так самовар на пенек отнесла. Водички в него залила колодезной чистенькой. Потом в топку углей забросила, разожгла. А поверх углей все в ход пошло: щепки, шишки. Как почувствовала, что вот-вот водичка закипит, веточки вишни с листочками и травы пахучей добавила. Чай славный получился. Что я тебе рассказываю-то, пробовать пора, пока он горячий. Чай ведь горячим пить надо и неспешно. Слыхал, поди, пословицу: «Тот, кто знает жизнь, тот медленно пьет чай».

Она стала разливать по чашкам неизмеримо пахучий чай «с дымком». Суетилась,

хлопотала так, как будто я был очень желанным и долгожданным гостем для нее. Все это вызывало у меня удивление.

— Ты сдобу бери, не стесняйся. И варенье погуще мажь, а хочешь вприкуску. Варенье малиновое, оно усталость снимает,— она взяла в руку булочку и уже хотела намазать ее для меня вареньем, но я нашел в себе силы отказаться.

— Нет, я сдобу не буду.

— Почему? — удивилась она.— Ты только попробуй. Она нынешняя. Это меня Танечка почтальонша угостила.

— Нельзя мне,— меня вдруг начала раздражать ее суета. Я произнес слово «нельзя» наверно слишком резко и громко, потому что заметил, что она как-то сжалась вся.

— Ну, раз нельзя, значит нельзя.

Мне в тот момент стало ее необъяснимо жалко. И эта жалость побудила меня признаться ей в том, в чем я не признавался никому и никогда.

— Больной я, ущербный,— она промолчала оттого, что не знала, что ответить на мое признание. Меня же словно прорвало.— Непереносимость у меня на яйцепродукты. Мне половину из того, что нормальные люди едят, есть нельзя. Чуть что — удушье наступает. Только мамка знает, что делать в таких случаях. И пухну я, если при мне, например, яйцо разбить. Глаза гноем заплывают. Больно... Такая вот у меня беда.

— Ну что ты милый,— бабка Нюта вздохнула,— это разве беда? Это так, неприятность. И молодец, что ты мне рассказал. Когда заглянешь ко мне в следующий раз, то я уже ученая буду. Но и сегодня я тебя с одним чаем не отпущу. Заначка у меня есть для такого случая.

Фроловна подошла к комоду, вытащила из верхнего ящика шоколадку «Аленка» и протянула ее мне.

— К чаю самое то.

Домой я вернулся в тот день, когда уже вечерело. Шкварчали на плите котлеты, а мать напевала что-то себе под нос. Услышав скрип половиц, обернулась, и я увидел ее раскрасневшееся лицо.

— Голодный, небось? Сейчас я тебя покормлю.

— Не суетись так мам, есть пока не хочется,— я помолчал немного, не зная, как ей рассказать о том, где я пропадал весь день, потом решил.— Ты прости меня, мам, что я на целый день тебя одну оставил. Знаю, что нехорошо получилось. Сказал тебе, что на озеро с пацанами пойду, а сам явился только к вечеру.

— Я знаю, где ты был и чем занимался, поэтому вовсе не сержусь на тебя. Запомни сынок: хорошими делами гордиться надо, а не оправдываться за них.

— А откуда ты знаешь? — удивился я.

— Ты когда из дома ушел, я в церковь пошла. А на обратном пути мимо дома Анны Фроловны проходила. Смотрю, ты забор красишь. Полюбовалась тобой, как у тебя хорошо получается, окликать не стала. Когда мужик делом занимается, ему мешать нельзя,— улыбнулась мать.

— А зачем ты в церковь ходила?

— Как зачем? Зачем люди вообще в церковь ходят? — она задумалась, потом продолжила.— Свечку поставить, за родных помолиться, колокольным звоном исцелиться... Ты когда-нибудь слышал, как звонят колокола? Это же чудо! Динь — первый подает голос робко так, несмело. Второй подхватывает — динь-дилинь. Третий вливается в их пение — динь-дон! А душа твоя, истерзанная злобой иль заботой, в это время замолкает, говор их впитывает. Обида, которая птицей пугливой мечется,

бьется, ни тебе, ни себе покоя не дает, покидает тебя. А колокола звонят и звонят. Они как наркоз для души, понимаешь? Я вот сегодня все плохое от себя отпустила, свечку за здравие отца твоего поставила. Пусть и у него все будет хорошо!

— А в городе ты никогда в церковь не ходила, мам?

— Ну, в городе я много чего не делала,— вздохнула мать.— А то, что ты Фроловне помогаешь — это ты молодец. Фроловна баба хорошая, рукастая, крепкая одним словом. Только жизнь ее лупит наотмашь, не дает продохнуть. Она хорохорится, болезни от себя гонит.

— А правда, что она в войну с немцами сотрудничала? Мне мальчишки рассказали

— Да что ты,— рассмеялась мать,— кому такая ересь в голову пришла. Эх, злые стали люди, про других сочиняют небывицы и еще детей своих в них верить заставляют. Ты не верь, чушь все это. Фроловна от немцев пострадала больше, чем кто-либо другой. В концлагере она была, чудом, говорят, из него вырвалась, а вот сыночка своего сберечь не смогла. Так и живет с чувством огромной потери. Детей же теперь больше всего.

— Я завтра снова к бабе Нюте пойду,— сказал я,— надо забор покрасить.

— Конечно,— улыбнулась мать и потрепала меня по голове.

На следующий день я с утра отправился к Фроловне. Она меня естественно не ждала, поэтому с трудом скрыла свое удивление.

— А друзья-то твои над тобой не шибко смеяться будут? — поинтересовалась она.

— Может и позубоскалят,— пожал я плечами,— только какая разница? Забор-то надо покрасить.

— Так ведь я и сама в могах,— улыбнулась она.

— Я и не сомневаюсь в вашей работоспособности, баба Нюта, только мама говорит, что вам перетруждаться нельзя.

— Ой,— она всплеснула руками,— велика напруга — забор красить. Я вот три года назад антенну на крышу сама устанавливала. Вот когда намучилась. Я же высоты с детства боюсь, а тут крыша. Дом у меня, сам видишь, какой высоченный. Только делать мне ничего не оставалось. Глаза сощурила и пошла... пошла... Закрепить-то закрепила, так ведь эту рогатулину еще настроить надобно было, усики на ней покрутить. Вот наскокалась: на землю — в небеса.

— А почему сами-то?

— Дык, кому же я нужна-то? Председателя просила: «Дай человечка на пару часов, уважь старуху!». Пообещал. День ждала, второй, третий... Сколько же еще-то? А соседа просить, так он не просыхает. Еще чего доброго свалится с крыши, убьется. Зачем грех такой на себя брать? Так что, как ни крути, а самой проще было...

К полудню забор был покрашен. Фроловна снова заварила терпкого пахучего чая «с дымком». За столом уже не молчали, как накануне. Даже перешли на «ты». Я, наконец-то, осмелился спросить ее о самом сокровенном:

— Баба Нюта, а мальчишки говорят, что ты немецкий язык хорошо знаешь. Правда?

— Правда,— кивнула она,— а как же мне его не знать, я же до войны в институте на переводчицу училась. Знание немецкого — это моя основная специальность была. Раньше-то все больше к немецкому языку склонялись, это сейчас английский в моду вошел.

— А вот и неправда. Я тоже в пятом классе перед выбором стоял, выбрал немецкий язык. Уж больно мне нравилась фраза, которую отец любил вставлять к месту и не к месту — «майне кляйне поросенок ин дер штрассе побежал». Мне очень хотелось все это по-настоящему произнести, со знанием и пониманием,— я замолчал, и поинтересовался снова: — А потом что?

— У меня-то? — задумалась она.— Муж на фронт ушел в самые первые дни. Никитка тогда еще махонький был. Потом мы с ним в концлагерь попали. Там меня этот самый «немецкий» и выручил. Я потихоньку разговоры охранников подслушивала, план побега вынашивала. Все у нас получилось тогда, вот только... Никитку своего я потеряла.

Мне было очень интересно слушать ее, но, видя, что она меняется в лице, я решил перевести разговор в другое русло:

— Ой, баба Ньюта, я чего вспомнил-то, видел вчера у тебя в сенцах странные запчасти, и будто парус. Это что такое?

— Какой ты глазастый, Сережка,— рассмеялась она.— Это буер сынок мой хотел мастерить. Все мечтал его на озере опробовать. Да только потом забросил это занятие, невестке не нравилось.

— Так у тебя сын есть?

— Приемш мой, Славик. После войны прибился ко мне сиротинушка, и я к нему прикипела. Хороший он, мамой меня всегда звал и зовет. А вот к слову, я тебе и приглашение сделаю.

— Какое приглашение? — поинтересовался я.

— Приходи в гости послезавтра. Ко мне Сонечка приедет, внучка моя. Я тебя с ней познакомлю. Сонечка у меня красавица, умница, глядишь, подружитесь. Я к ее приезду пшеничков напеку. Тебе понравится, поди такой вкусотищи никогда в городе не пробовал. Я их по бабушкиному рецепту, в печи делаю.— Перемены в моем лице от упоминания про пшенички не ускользнули от Фроловны, и она подмигнула мне заговорщицки.— Я все помню про твою болячку, поэтому ничего не бойся. Придешь?

— Приду,— пообещал я.

Накануне знакомства с Сонечкой весь вечер пребывал в возбужденном состоянии. Ночью долго не мог заснуть. Воспоминания из далекого детства проплывали перед глазами.

...Бабушка ждет в гости мою двоюродную сестру, хлопочет на кухне и приговаривает:

— Вот скоро Любушка к нам доберется. Соскучилась, поди, по настоящей деревенской еде. Сейчас мы с тобой, Сереженька, картошечку потомим со шкварками, да пшеничков налепим. Пусть порадуетя, душенька моя. Ты-то ждешь сестренку, Сережечка?

Киваю, соглашаюсь. А как не ждать? Любка, когда приезжает, то привозит с собой много подарков и, как говорит бабушка, «кузовок веселья». Я люблю Любку, а Любка любит меня, поэтому играет со мной часами.

— Ты иди в комнату пока, пострел. Не крутись под ногами.

Я иду в комнату, что находится за занавеской, наглухо прибитой гвоздями к притолоке. Достаю из картонной коробки свои игрушки, раскладываю их на полу. И тут все помещение начинает наполняться сладковатым запахом. Мое лицо начинает чесаться. Я неистово тру глаза, от этого становится еще хуже. Плачу. Размазываю слезы по щекам. Мне кажется, что еще мгновение, и я раздуюсь, превращусь в шарик. Я почти ничего не вижу, потому что глаза мои заплыли. И вдруг, сквозь собственный плач, я слышу голос мамы:

— Мама (это она бабушке), ну зачем ты так? Ты же знаешь, что в присутствии Сережки нельзя яичный дух пускать. Неужели тебе его не жалко? — она сует мне в рот горькую таблетку.

— Жалко, конечно,— оправдывается бабушка.— Я Сережку очень люблю. Но ведь и Любушку надо покормить. А малыцу рано или поздно все одно придется привыкать к непростой жизни. Его ведь специально никто жалеть не будет.

Таблетка начинает действовать, и я проваливаюсь в темноту...

Заснул только ближе к утру, когда удалось, наконец-таки, перебороть все страхи, связанные со словом «пшенички».

Добеденная половина дня пролетела незаметно: помогал матери в огороде. Носил воду и все время удивлялся: как ей удалось за такой короткий срок так все преобразить? После обеда, ополоснувшись под самодельным душем, отправился в гости к Фроловне. Еще на улице услышал громкий девчачий щелбет, доносившийся из открытого окна. «Сонечка уже приехала»,— отметил я про себя и почувствовал, что волнуюсь очень. Только успел переступить порог дома, как услышал возбужденный голос бабы Нюты:

— А вот Сережка пришел. Проходи скорее, а то мы тебя с Сонечкой заждались уже.

— Здравсти,— пробормотал я еле слышно, краснея под Сонечкиным пристальным взглядом.

Соня была очень симпатичная девочка: модная, ухоженная, городская — одним словом. Я хоть тоже был далеко не деревенским парнем, но выглядел иначе. Да и все девчонки из нашей компании в городе были Соньке не чета. Видимо, не обнаружив во мне ничего интересного, она вздохнула и принялась вилок отколупывать золотистую корочку с шарика, лежащего на ее тарелке.

— А вот эти «желторотики» для тебя,— Фроловна поставила передо мной тарелку с пшеничками.— Я очень старалась!

— Спасибо, баба Нюта,— поблагодарил я.

Пили чай, ели пшенички. Скажу честно, что тогда вкуснее этих пшеничков я вряд ли что-то пробовал еще. А может, мне просто так казалось. Ведь всегда пшенички были для меня чем-то очень страшным, большим и запретным. И вдруг... В общем, я был наверху блаженства. Разговор за столом, тем не менее, совсем не клеился. Тогда Фроловна предложила:

— Дорогие мои ребятушки, что-то устала ваша бабка. Может, я малеху полежу, а вы пока во дворе поболтаете. Да и без меня старой, вам молодым легче будет договориться. А я чуток покомарю. Послеобеденный сон старикам необходим.

И тут только я понял, почему Фроловна захотела прилечь. Всю ночь работала она, ожидая приезда внучки. В доме чистота идеальная: самовар начищен до блеска, на полах ни пылинки, занавески постираны. А главное — воздух. Он был настолько чист и пропитан ароматом сирени, что мне вдруг стало невероятно стыдно за себя. Это ведь из-за меня, из-за моей треклятой болезни, Фроловна так тщательно выветривала и маскировала яичный дух. А потом еще для меня лепила эти вкуснющие пшенички по «специальному» рецепту.

— Конечно, отдыхай, баба Нюта! Ты за нас не беспокойся, мы сами себя развлечем! Правда, Сонь? — я первый раз обратился к ней напрямую.

— Да, бабулечка, ложись,— закивала она.

Вышли во двор, спрятались от солнца в беседке, увитой диким плющом. Пока я напряженно думал с чего начать разговор, Сонька заговорила первая.

— Чего к бабке моей прицепился, как клещ?

— Да не цеплялся я к ней.

— Ой ли? То-то я гляжу, она мне все уши прожужжала: Сереженька ей и заборчик покрасил, и чего-то там еще. И весь Сереженька такой разъедакий... Сколько она тебе за эти твои «добрые дела» платит? Что молчишь, тимуровец?

— Не платит она мне вовсе. Да я и не думал о деньгах.

— А ты и не думай,— я видел, что она злится,— нет у нее денег. Она мне с каждой пенсии отстегивает, а остальные на рубашки своему покойничку спускает.

— Какому покойнику? — не понял я.

— Сыночку своему, Никитушке. Вину она свою перед ним чувствует, вот и ждет его до сих пор. А ты хочешь сказать, что не знал ничего? Или придуриваешься? В шкаф к ней загляни, там этих рубашек — пруд пруди. Только Никитушка ее уже сгнил давно. Лучше бы она эти деньги отцу с матерью отдала. А то они скоро горло другу перегрызут: одна хочет мебель новую, а другого на машине переклинило.

— Злая ты, Сонька. Зачем к бабке Нюте приехала?

— А ты не понял до сих пор? За деньгами своими приехала. Старуха же вчера пенсию получила.

— Уезжай,— тихо, но твердо сказал я.

— Ха, нашел дуру! — рассмеялась она, обнажив свои ровные белые зубы в некоем оскале.— Я только за порог, а ты побежишь бабке глаза раскрывать на то, какая у нее внученька плохая?

— Нет. Ничего не скажу. Совру что-нибудь.

— Клянешься?

— Клянусь,— пообещал я.

— Черт с тобой! Тем более что меня сегодня тут больше ничего не держит. Да и не поверит тебе моя сердобольная бабка. Я ей родная, а ты кто? Так, приبلудный.

Она ушла, даже не сказав мне «пока» на прощанье. Я долго сидел в беседке, пока проснувшаяся Фроловна ни вышла на крыльцо.

— Сереженька, а где Сонечка?

— На остановку пошла, баба Нюта. Боялась, что на автобус опоздает.

— Аль обиделась на что?

— Нет, не придумывай. Просто сегодня у ее подружки день рождения. А Соня ей еще подарок не купила. Вот и поспешила в город. Я тоже, пожалуй, пойду. Матери помочь надо на огороде.

— Ступай, конечно, Сереженька. Ты ко мне заходи в любое время, я тебе всегда рада.

Я повернулся и пошел по тропинке, ведущей к калитке. Она стояла на пороге, глядела мне вслед. Не смог далеко уйти, вернулся с половины пути, подошел к ней, обнял за плечи и прошептал в ухо:

— Я про пшенички тебе ничего не сказал. Ты даже не представляешь, баба Нюта, какие они у тебя замечательные.

Оторвался от нее и убежал, не останавливаясь.

Так и прожили это лето. Трудились, отдыхали. Ходили кто в церковь, кто на речку. Я рассказал пацанам про настоящую бабу Нюту. Они сначала не верили мне, но потом отошли, отмякли. Они хоть и «суровые деревенские парни», но все же есть в них чувство справедливости. Мякиш даже новый фундамент помог бабе Нюте залить, когда обнаружили, что ее старый дал трещину.

По осени уехали в город, чтобы перезимовать в городской квартире и снова вернуться в деревню.

Следующим летом, как только слез с автобуса, занес в дом наши с матерью нехитрые пожитки, сразу же побежал поздороваться с Фроловной. Только вместо приветливой ее улыбки обнаружил дом с забитыми крест-накрест окнами. Потом мне рассказали местные, как сразу после нашего отъезда слегла баба Нюта, а по зиме померла. Я искал ее могилу долго. Почему Славик похоронил ее здесь, до сих пор для всех остается загадкой.

* * *

— Да,— вздохнул сторож,— вот тебе и «чужой человек». А относилась она к тебе, как к своему. А может, она в тебе сына своего покойного увидела.

— Так сын ее, Никитушка, живым оказался. Жил все это время в соседнем городе, пил да гулял. Про мать знал, но возвращаться к ней не собирался. Думал, что будет она его жизни учить, работать заставит. А ему нравилось шабашить время от времени, да разгульный образ жизни вести. Он объявился через полгода после смерти Фроловны. Дом они, говорят, делили с Сонькиной матерью так, что вся деревня слышала.

— Поделили?

— Нет. За Фроловной, когда она не вставала с постели, Татьяна почтальонка ходила. Прибирала у нее, кормила. Фроловна ей дом и подписала. Наследники на Татьяну в суд подали, мол, обжулила бабку. Только судья их иск отклонил. А сама Татьяна вскоре из деревни в город перебралась, замуж вышла. Так теперь оба дома с забитыми окнами и стоят: Танин и бабы Нюты.

— Вот она — жизнь,— снова вздохнул сторож.

— Пойду я, Николай Анисимыч, а то на автобус опоздаю. Вы с Валентиной Ивановой Фроловну мою помяните,— Сергей достал из пакета сверток и положил его на стол.

— Помянем, сынок. Обязательно помянем.

Дождь набирал обороты. Сергей развернул над головой пустой пакет и припустил к остановке. Анисимыч вернулся в сторожку. Раскрыл сверток, извлек из него пахучий золотистый пшеник и зашептал: «Помяни, Господи, Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставившуюся рабу Твою Анну...».

